



**Читайте остросюжетные романы
Елены Дорош
в серии «Вечерний детектив»:**

Брошь с черным опалом
Портрет девочки в шляпе
Королевская лилия
Крест Шарлотты
Антикварная история
Пруд с золотыми рыбками
Слеза Евы
Забытый аромат
Семейная реликвия
Красное солнце валькирии
Французское наследство
Нить наяды
Царский подарок

Цикл «Сыщик Анна Чебнева»

Кукла Коломбины
Гребень Матильды
Танец Иды

Е Л Е Н А
Д О Р О Ш

ЦАРСКИЙ
ПОДАРОК



МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д69

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *Д. Васильченко*

Дорош, Елена.
Д69 Царский подарок : [роман] / Елена Дорош. —
Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-211707-7

Александра Смолина руководит автосервисом и привыкла решать любые проблемы самостоятельно.

Когда в квартире убитого соседа она находит старую псалтырь, не может удержаться, чтобы не попробовать решить загадку: какую тайну скрывает потрепанная книга и от кого старик ее прятал.

Поиски ответов заводят Сашу в те далекие времена, когда костромские дворяне решили преподнести императору Павлу Первому подарок – рукописную книгу в роскошном золотом переплете, украшенном драгоценными камнями.

Единственный родственник умершего берется помочь Саше в расследовании, и постепенно они увлекаются не только тайной царского подарка, но и друг другом.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-211707-7

© Дорош Е., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

*Посвящается городу,
дававшему мне так много*

НЕСЛУЧИВШИЙСЯ ПОДАРОК



Афанасий Федорович вбежал в приемные покои губернатора, задыхаясь. Секретарь тотчас вскочил и выпучил глаза.

— Господин коллежский асессор!

Болван! Так и не научился делать в присутствии начальства приличествующий вид!

Понимая, что выглядит странно и несолидно, Афанасий Федорович злился и искал, на ком сорваться.

— Николай Иванович у себя? — спросил он, пытаясь выровнять дыхание.

— У себя-с.

— Так доложи, дубина стоеросовая! — гаркнул Тухачевский.

Секретаря как ветром сдуло.

Через мгновение из кабинета выбежал Кочетов и, взглянув на предводителя дворянства, выпучил глаза точь-в-точь как секретарь Пузырев.

— Господи, Афанасий Федорович! — всплеснул он руками.

Не дав губернатору засыпать его вопросами, Тухачевский схватил Кочетова за рукав и почти затолкал обратно в кабинет.

— Да что случилось-то, господин Тухачевский? — попытался сопротивляться губернатор.

— Тише, умоляю, — прошептал Афанасий Федорович, запирая за собой дверь кабинета.

Прислушавшись, не припал ли секретарь к замочной скважине, он повернулся к губернатору.

— Посольство уже выехало?

— С ночи в пути, — недоумевающим тоном отозвался Николай Иванович.

— Надобно вернуть. Посылайте нарочного.

— Да что произошло в конце концов? — прошипел губернатор, блея лицом.

— Вчера ночью император Павел Петрович представились.

С минуту губернатор оторопело смотрел на председателя.

— Нельзя мешкать, Николай Иванович, — взял его за плечо Тухачевский. — Ежели мы сейчас со своим подарком...

— Да как же? Да с какой стати ему умирать понадобилось?

Тухачевский притянул к себе Кочетова и прошептал в самое ухо:

— Не своей смертью будто бы. Заговорщики.

Николай Иванович на мгновение закрыл глаза. Ужас какой! Даже представить такое страшно! Но Тухачевскому можно верить на слово! Кто-кто, а Афанасий такие новости завсегда первым узнает. Тем и полезен.

— Пресвятая Богородица, спаси и помилуй мя!

Дрожащей рукой Николай Иванович перекрестился и, взяв себя в руки, решительно шагнул к двери.

— Тотчас капитана Власова ко мне!

Тухачевский отошел к окну и стал смотреть, как по утопанному грязному снегу как раз напротив губернаторской канцелярии народ спешит на другой берег Волги. Пока вглядывался, посыпал мокрый снег, и картина сразу будто пеленой подернулась. Даже ближнего высокого берега не стало видно в мутном мареве мартовского утра.

Да, паршиво начинается тысяча восемьсот первый. Зима была мерзкой, а теперь кажется, что и весна будет не краше. Кто знает, что их ждет впереди. Эх, Кострома-Костромушка, сколько бед тебе еще пережить доведется.

— Костовстреха, одним словом, — прошептал предводитель дворянства и тяжело вздохнул.

Возок неся по московскому тракту почти без остановок. Хоть и скакала рядом вооруженная охрана, а все ж таки береженого, как известно, бог бережет. Шутка ли! Подарок самому императору везут! Поэтому, несмотря на отвратность мартовских дорог, скакали что есть мочи и останавливались лишь на короткое время: по малой нужде сходить.

Лошадей собирались менять уже под Переславлем, а пока нахлестывали этих, гнедых да быстрых.

Неожиданно послышались крики, в окошко возка постучали.

— Ваше сиятельство!

— Что еще? — крикнул через стекло Петр Петрович.

И зыркнул глазом. Чего, мол, балуешь!

— Гонится за нами кто-то! — крикнул начальник конвоя и указал назад.

Приоткрыв дверцу, Петр Петрович высунулся и всмотрелся в серую снежную муть позади.

— Что? — дернул его за рукав шубы митрополит.

— Не разберу.

— Приказания какие будут, ваше сиятельство?

— Да погоди ты! — прищурился Петр Петрович, славившийся острым зрением. — Это вестовой вроде или нарочный! Гляди: лошадь казенная и форма... вроде как из губернаторовой охраны... подождать надобно, вдруг важное что передать забыли.

— Всем глядеть! — заорал подпоручик.

Петр Петрович откинулся в глубь возка и перекрестился.

— Да чего там? — снова сунулся отец Иоанн.

— Нарочного губернатор за нами послал. Догонит, узнаем, что за нужда такая приключилась.

Доскакав, всадник спрыгнул с коня и рванулся к губернаторскому возку.

— Стой! Куды? — преградила путь стража.

— Срочная депеша! — задыхаясь, крикнул тот.

— Пустите, — махнул рукой Петр Петрович, приоткрывая дверцу.

В возок тотчас залетел злой ветер и стал перебирать мех на шубе. Даже ушастый парик, и тот шевельнулся на голове.

Нарочный подошел, расстегивая сумку.

— Господин губернатор велели догнать и срочно передать.

— Стой тут, — все еще не понимая, с какой стати Кочетову потребовалось посылать депешу, приказал Петр Петрович и, закрыв дверь, сорвал губернаторскую печать.

Митрополит пересел на его сторону и приник головой.

— Что за оказия?

Шевеля губами, оба прочли записку и посмотрели друг на друга.

— Господь Всемогуций, — прошептал митрополит затвердевшими губами.

У Петра Петровича губы, напротив, вдруг мелко затряслись.

— Это что же получается? Это, батюшка ты мой...

— Бережет нас Господь, — прошептал митрополит и припал губами к наперсному кресту. — Вовремя до Николая Ивановича весть дошла.

— Как пить дать, — перекрестился следом Петр Петрович. — Впросак попали бы с этим подарком, ежели явились бы...

— И не говорите. Особливо учитывая обстоятельства.

— Апоплексический удар, сказано.

— Оно конечно. Апоплексический, знамо дело. Только...

— Тише, отец Иоанн.

— Да чего тише? Не приведи господь, конечно, но нас могли и в тюрьму с нашим подарком...

— Тьфу! Тьфу! Тьфу! Что вы такое говорите, батюшка?

— Мне тамошние порядки известны. Немало поездил с епископом. Навидался. Надобно назад ворочаться.

Петр Петрович хотел было отдать приказ и вдруг подумал: а точно ли все так, как доложили губернатору. Может, враки?

— Погоди, отец Иоанн. Ты посиди маленько, а я ноги разомну.

Яшка, ехавший рядом с кучером, почувствовав через овчину тулуπα тычок палкой в крышу возка, соскочил и, расторопно расчистив от грязи и налипшего снега ступеньку, помог сойти.

Петр Петрович разогнулся, потирая поясницу, и взглянул в небо. Темное, густое, того и гляди то ли снег повалит, то ли ливень начнется.

Ох, не любил он март! За мрачность, за то, что никогда не знаешь, чего от погоды ждать. То солнышко пригреет, то мороз ломанется, и именно тогда, когда надумаешь шубу в сундук прятать. Вот и сегодняшние вести совершенно в том же духе. То ли горевать по усопшему, то ли радоваться. С одной стороны, от Павла Петровича одна ерунда, прости Господи, по всей России-матушке который год идет. Устали уже от императорских выкрутасов. А с другой — уж больно неожиданно все. Ежели не поверит народ, что своей смертью царь помер, может и бунт случиться. Да похуже Пугачевского!

В Петербурге посольство от Костромской губернии ждали. Не только свои — епископ Евгений, выехавший в столицу задолго, и представители родовитых костромских семейств. На встречу с государем обещались прибыть верхушка Московского патриархата и министры, среди коих были те, встречи с которыми Кочетов добивался едва ли не дольше, чем возможности вручить подарок императору Павлу.

Если сегодняшняя весть окажется зряшной, каково будет всем им?

Другой раз и на порог не пустят.

А если все так, как сказано в записке, написанной торопливо и с ошибками, то...

То лучше пересидеть лихие времена дома. За печкой. Авось пронесет.

Петр Петрович походил туда-сюда еще малость и залез в теплое нутро возка.

— А с подарком что делать? — пригорюнился митрополит, когда тронулись в обратный путь.

— Да кому он теперь нужен! — бросил в сердцах Петр Петрович и, тут же спохватившись, добавил: — Однако беречь его следует как положено. Вещь, сам понимаешь, весьма ценная.

Оба посмотрели на обитый черной буйволово́й кожей сундучок под лавкой.

— И куда теперь эту бесценную дева́ть, — пробормотал митрополит, пряча себя в теплой волчьей шубе.

— Ужо решим, как вернемся, — ответил Петр Петрович, ежась от налетевшего и проникшего в щели возка мартовского ветра.

Ему было обидно, что сорвался такой удобный случай показать себя. Быть представленным императору Павлу Первому — давнейшая потаенная мечта. Не всякому чиновнику для особых поручений такое даже во сне снилось, а у него прямая возможность была.

Была, да сплыла. Не случился подарок.

— Поспешай! — крикнул возница, стегая выносную.

Лошади побежали ходко, дружно натягивая уносы. Им тоже хотелось побыстрее попасть домой.



НОРКА ДЛЯ ДВОИХ

Давненько Палычу не попадалось место, столь подходящее для жизненного пристанища в любое время года. Надыбал он его случайно. В позапрошлом году долго не мог приткнуться на зимовку так, чтобы и тепло, и безопасно, и сытно. Летом с этим делом проблем не было. Как говорится, под каждым кустом уж готов и стол, и дом. А вот зимние стойбища в городе подыскивались тяжело. Собратья обычно в это время подаются на закрытые дачи. Выбирают участки попроще, чтобы не словить проблемку с полицией, и вперед! В дорогие дома и зимой частенько навешиваются хозяева.

Неугомонные! Не сидится им в городе! Надо обязательно припереться на дачу! Шашлыки начнут жарить, дух такой, что взвоешь! Однажды возле такой дачи терся и не стерпел — отважился подобраться к жаровне, что стояла за домом, и схватить шампур с нанизанными на него вперемежку с кольцами лука смачными кусочками свинины. От воспоминаний о том пире до сих пор слюнки текут. Однако второй раз такой номер не прокатит, это он понимал, поэтому загородные

жилища всяких олигархов старался обходить десятой дорогой. Другое дело дачки честных тружеников. Они закрывались на всю зиму и потому пользовались среди бомжацкой братии особым спросом. Выбирали, конечно, с отоплением, желательно печным. Бывало, за крепкие и теплые дома драка шла. Порой и он проводил в таких холодное время, но чаще старался остаться на зимовку в Костроме. Ну не деревенский он житель, что поделаешь!

И вот два года назад прибился он к одной бабешке, тоже бомжихе со стажем. Та и показала ему чудное местечко на Лесной. Когда-то давно в здании на углу был мукомольный завод. Заводец, понятное дело, приказал долго жить, а крепкое здание осталось и было пущено под всякие, как говорила его Валюшка, «охфисы». Рядом повырастали жилые дома — один краше другого, — которые все строились, строились и никак не могли достроиться. Что-то не так с подземными водами, разузнала бойкая Валюшка. На что Палыч ей авторитетно отвечал: по-другому и быть не могло, ибо подо всей Костромой скрываются реки, когда-то загнанные властями под землю. Там, где теперь «Сковородка», текла полноводная Сула, по площади Конституции, местность вокруг которой много лет назад называлась Замостьем, — река Черная, а у Татарской слободы в нее впадала Субботка. И это еще что! На перекрестке Горной и Лесной и поныне стоит дом, у которого выходили наружу аж семь ключей. Весь город за водой ходил. Бочками возили!

— Батюшки святы! — ахала впечатлительная Валюшка, и Палычу это нравилось.